

*А. Я. Кожурин**

БОГОСЛОВСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Статья посвящена богословским аспектам идейного наследия Н. Я. Данилевского. В значительной мере данные аспекты разрабатывались мыслителем в полемике с концепцией В. С. Соловьева. Автор акцентирует свое внимание на реальных различиях богословских представлений этих авторов. В частности, на критике Н. Я. Данилевским экуменического проекта его оппонента.

Ключевые слова: богословие, православие, католицизм, экуменизм.

A. Ya. Kozhurin

THEOLOGICAL ISSUES IN THE WORK N. YA. DANILEVSKY

The article is devoted to the theological aspects of N. Y. Danilevsky's ideological heritage. To a large extent, these aspects were developed in a polemic with the concept of V. S. Solovyov. The author focuses on the real differences in the theological views of these authors. In particular, on N. Y. Danilevsky's criticism of the Ecumenical project of his opponent.

Keywords: theology, Orthodoxy, Catholicism, ecumenism.

В 2019 г. исполнилось 150 лет со времени выхода в свет книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому». Это был первый труд, в котором была дана развернутая культурно-цивилизационная концепция исторического процесса [3]. Но, разумеется, теоретические, а тем более практические аспекты наследия нашего великого соотечественника не исчерпываются только этой работой. Помимо «России и Европы», он был автором еще более основательного произведения «Дарвинизм. Критическое исследование», в котором была подвергнута резкой и основательной критике теория эволюции, а также целого

* Кожурин Антон Яковлевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; ankogyrin@rambler.ru

ряда статей по геополитической, экономической, этнографической проблематике. Нельзя забывать и практическую деятельность Н. Я. Данилевского на благо России — его участие в экспедициях по Волге и Каспийскому морю, борьбу с филлоксерой в Крыму и т. д.

Можно смело утверждать, что интересы Данилевского носили универсальный характер. Они также включали в себя интерес к богословию — как догматическому, так и «естественному». (Говоря о «естественной» или «натуральной» теологии, Н. К. Гаврюшин утверждает, что «ее основная задача заключалась в согласовании интенсивно умножавшихся открытий экспериментального естествознания с христианской метафизикой и богословием» [1, с. 277]. В творчестве Н. Я. Данилевского «естественная» теология получила развернутое развитие в труде «Дарвинизм», в форме критике эволюционной теории. Ее анализ — тема особой работы.) Богословское наследие Данилевского — самый, пожалуй, малоисследованный из всех аспектов его творчества. На нем, следовательно, необходимо остановиться подробнее. Уже в «России и Европе» (девятая глава) мыслитель обращается к различиям религиозного характера, которые обнаруживаются между германо-романскими и большинством славянских народов. Это — противоположность между православием и католичеством или протестантизмом. Данная проблематика неоднократно анализировалась современниками Данилевского (вспомним соответствующие места из сочинений Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова).

Необходимо сказать, что как богослов Н. Я. Данилевский вписывается в когорту русских светских богословов — от И. В. Киреевского и А. С. Хомякова до Л. П. Карсавина и А. Ф. Loseва. При этом Данилевский выгодно отличается от большинства из отсутствием стремления к ложной оригинальности. Особенно того, что характеризовало концепцию его непримиримого критика — В. С. Соловьёва, с его притязаниями на дух пророчества. Не случайно, что богословская работа Н. Я. Данилевского посвящена именно полемике с экуменическими воззрениями В. С. Соловьёва. (Справедливости ради, необходимо заметить, что годом раньше с резкой критикой соловьевского богословия на страницах «Руси» выступил И. С. Аксаков. «Последний славянофил» посвятил этой теме работу «Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В. С. Соловьёва».)

Речь идет о статье Данилевского «Владимир Соловьёв о православии и католицизме», опубликованной весной 1885 г. В ней он не оставил камня на камне от излюбленной идеи Соловьёва об объединении церквей. В. С. Соловьёв был весьма задет этой критикой, но ответить непосредственно автору уже не смог — в ноябре того же года Н. Я. Данилевский скончался. Соловьёв дал своеобразный ответ через несколько лет, обрушившись с резкой критикой на «Россию и Европу». Данная критика спровоцировала ожесточенную полемику, в которой приняли выдающиеся философы, историки и социологи того времени — Н. Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, Н. И. Кареев, П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский. Но надо понимать, что реальным толчком этой полемики послужила критика Н. Я. Данилевским богословских воззрений В. С. Соловьёва.

Вспомним, что Соловьёв развивал учение о социальной троице, включающей в себя Церковь, государство и общество. Свою лепту в процесс единения человечества приносят религия, философия, наука и искусство. Ставилась Соловьёвым и важная социальная задача — создание совершенной церковно-государственной организации, которая будет руководствоваться идеалом Царства Божия. Духовная власть в ней должна принадлежать римскому папе, а светская — русскому императору. Кроме того, речь у Соловьёва идет также о третьей власти — пророческой. Легко догадаться, что в роли пророка философ видел именно себя.

Все сферы жизни, указывал Соловьёв, должны быть пронизаны христианским идеалом. В истории, правда, по пути реализации религиозного идеала пошло лишь западное христианство — Византия, по мнению философа, от него уклонилась. Соловьёв писал, что

мнимое православие Византии на самом деле было лишь вогнанной внутрь ересью. Истинный центральный догмат христианства есть внутреннее и полное единение божеского и человеческого в нераздельности и неслиянности. Необходимым выводом из этой истины, если мы ограничимся только практической сферой человеческого бытия, является перерождение общественной и политической жизни в духе Евангелия, т. е. государство и общество, ставшие христианскими. Вместо этого синтетического и органического единства божеского и человеческого пошли путем смешения обоих элементов, путем разделения их чрез поглощение и упразднение одного из них другим [6, с. 49].

Неблагодарность Соловьёва по отношению к Византии носит вопиющий характер. Причем речь идет не только о том, что именно от нее Русь восприняла христианскую традицию. Для самого Запада империя ромеев выполняла функции спасителя от мусульманской экспансии. Если бы не византийцы, то арабы легко заняли Италию, как они захватили Иберийский полуостров и Сицилию. Ни о каком папском престоле в данном случае речи бы не шло. Эта империя, писал в работе «Земля и море. Рассказ для моей дочери» (1942) К. Шмитт,

«удерживала» ислам много веков, предотвращая тем самым возможность завоевания Италии арабами. В противном случае с Италией случилось бы то же самое, что произошло тогда с Северной Африкой — антично-христианская культура оказалась бы уничтоженной, и Италия была бы поглощена миром ислама [7, с. 581].

В данной связи К. Шмитт, который любил называть себя «римским католиком», рассматривал Византию в качестве «катехона» («удерживающего»). Само это понятие мы находим во втором послании апостола Павла фессалоникийцам: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (1 Фес. 2: 7). Весьма показательно, что понятие «катехон», столь важное для раннехристианской и византийской традиции, оказывается быстро утраченным западным христианством. Восстановленные понятия языческой политико-правовой традиции вытеснили его из сознания западных народов. Комментарии, как говорится, излишни.

Данилевский, со свойственной ему интеллектуальной оптикой, зрит в корень. Он сразу обнаруживает коренной порок всех религиозных построений Соловьёва. Вот как это звучит в интересующей нас статье:

Г. Соловьёв человек, без сомнения, с философским направлением ума. Качество довольно редкое и очень ценное, но, однако же, как и всякое умственное и даже как и всякое нравственное качество, имеющее и свои слабые стороны, заставляющие впадать в пороки своих добродетелей. Опыт нам показывает, что главный недостаток или порок философствующих умов, т. е. метафизически философствующих, есть склонность к симметрическим выводам. При построении мира по логическим законам ума, является схематизм, и в этих логических схемах все так прекрасно укладывается по симметрическим рубрикам, которые, в свою очередь, столь же симметрически подразделяются. Затем находят оправдание этому схематизму в том, что будто бы он ясно проявляется в объективных явлениях мира [2, с. 255].

Прекрасная характеристика философских концепций, стремящихся заключить все богатство и многообразие мира в интеллектуальные клетки собственного изготовления. Упреки, которые достаются Соловьёву, в еще большей степени могут быть адресованы его немецким учителям (отчасти Шеллингу, особенно Гегелю). Для Данилевского, привыкшего смотреть на мир широко открытыми глазами, подобный подход был чужд. Сразу вспоминается Аристотель, который отказывался от одномерного истолкования многообразия мирового сущего. К решению любой проблемы греческий энциклопедист подходил с разных сторон. При этом могли получаться различные результаты, которые не столько противоречили, сколько дополняли друг друга. В культивировании подобного подхода Данилевский — достойный продолжатель Стагирита.

Интеллектуальный грех Соловьёва — схематизм. Конкретно — любовь к симметрически-схематической троичности. Ей он подчиняет свои богословские и историософские построения. Начнем с излюбленного европейскими авторами противопоставления Востока и Запада. Данилевский, предложивший более сложную концепцию исторического развития, сразу же отмечает несостоятельность данной схемы в ее интерпретации Соловьёвым. Последний рассматривал восточного человека в качестве подчиненного сверхчеловеческой силе, в то время как западного — самостоятельным. Но, резонно замечает Данилевский, из этой схемы полностью выпадает Китай, чьи жители менее всего озабочены почитанием сверхъестественных сил. Кроме того, в начале истории, когда на Востоке развивались мощные цивилизации, Европа представляла собой конгломерат варварских племен. Следовательно, никакого Запада на протяжении первых тысячелетий человеческой истории не существовало.

Далее Данилевский обращает внимание на хронологический сбой в историософских построениях Соловьёва. Первой по схеме Соловьёва возникает религиозная концепция Индии, противопоставляющее божественное начало («сверхсущую истину») ложному многообразию материального бытия. Затем данное противопоставление принимает нравственно-этический характер на иранской почве — в зороастризме. Наконец, египтяне, на последней стадии религиозного развития Востока, приходят к обоготворению идеи жизни.

Схема, конечно, красивая, но, как замечает Данилевский, абсолютно противоречащая исторической хронологии. Несомненно, что религия Древнего Египта старше построений индийских мудрецов, а иранская религиозная традиция параллельна браманизму. Внешнее «упразднение» Востока, случившееся в Римской империи, как утверждал Соловьёв, — не более, чем красивая метафора. Из перечисленных выше стран, в состав империи вошел лишь Египет. Иран, Индия, а тем более Китай, для римлян были недостижимы. Следовательно, параллелизм религиозного и государственного развития, столь значимый для Соловьёва, не был осуществлен.

Далее Данилевский разбирает концепцию социальной троицы, развиваемую Соловьёвым. Внешне она безукоризненна, опирается на учение о троиственности достоинства, заключавшихся в лице Иисуса Христа — Царя, Первосвященника и Пророка. Но как только эта концепция начинает применяться к осмыслению исторического процесса, обнаруживаются все изъяны соловьевского схематизма. По сути дела, Соловьёв сводит разделение церквей к политико-государственным аспектам. Речь идет о различиях между царским Востоком и первосвященническим Западом. Многие в этой схеме не соответствуют историческим реалиям, а кроме того, из нее выпадает возникновение и существование протестантизма, который стал ответом на тиранические притязания папской власти в области веры. Главным виновником всех расколов христианского мира Данилевский вполне резонно объявляет папизм. Он стремился сосредоточить в лице римских пап и принцип первосвященства, и царскую власть, и, наконец, все пророчество — присваивая исключительно главе Ватикана принцип непогрешимости церкви.

Не работая в области реальной истории, схема Соловьёва, тем не менее, представляет серьезную опасность в современности — утверждал его критик. Соловьёв призывает русский народ к третьему, после призвания варягов и петровских реформ, самоотречению. В жертву очередной симметричности должна быть принесена православная традиция, а русский народ как народ по преимуществу теократический призван реализовать вселенскую теократию — провозглашал Соловьёв. По сути дела, пойти на поклон римскому папе. Комментируя данный пассаж, Данилевский восклицает:

Истине конечно можно и должно все принести в жертву! А лжи? Нужно, следовательно, прежде чем приступить к жертве, взвесить и оценить с величайшей осмотрительностью то, чему нас призывают принести величайшую из возможных жертв [2, с. 261].

В связи с этим Данилевский обращается к материалу христианской догматики. В рассматриваемой статье он демонстрирует великолепное знание данной области, которой позавидовал бы дипломированный богослов. Его небольшая статья, как нам представляется, несравненно более интересное явление, чем многотомные изыскания Соловьёва в области догматического богословия. Изыскания, поставленные на службу весьма сомнительному экуменическому проекту. Данилевский опирается на постановления Вселенских соборов, которые интерпретирует значительно ближе к духу и букве православной традиции, чем критикуемый им автор.

Данилевский отвергает соловьевскую идею разделения церкви. Если рассматривать церковь как социальное явление, то о таком разделении есть смысл говорить, но когда речь идет о мистическом понимании, то мысль Соловьева — нонсенс. Данилевский резонно замечает:

Если разуметь под церковью таинственное тело Христово, тело, коего Он глава, и одушевляемое Духом Святым, — а ведь так понимает церковь г. Соловьёв, — то ведь тело это есть святой таинственный организм в реальном, а не в метафорическом только смысле; а ежели организм, то и индивидуальность — особь особенного высшего порядка. Как же может тело это разделиться, оставаясь живым, сохраняя свою живую индивидуальность? [2, с. 261].

На самом деле, констатирует Данилевский, речь должна идти не о разделении церкви, а об отпадении от нее. Кто же тогда отпал — православные или католики? Отвечая на данный вопрос, Данилевский обращается к тезисам, сформулированным самим Соловьёвым. Данилевский начинает с основного пункта догматических различий православия и католицизма — знаменитого прибавления *Filioque*. Напомним, что речь идет о Духе Святом, который, с православной точки зрения, исходит от Отца. Католичество исповедует, что Святой Дух исходит как от Отца, так и от Сына. Таким образом, указывает Данилевский, католическое учение, прибавленное к первоначальному тексту Никео-Константинопольского символа веры, несомненно, содержит в себе ересь, относящуюся не к «букве символа, а к смыслу и содержанию его» [2, с. 264]. (Показательно, что инициатором внесения изменения в Символ веры был франкский император Карл Великий, резко враждебно настроенный против Византии. Папа Лев III, целиком зависевший от франкского императора, был вынужден согласиться с предложенным нововведением [5, с. 165].) Любые оговорки и отговорки, на которые был так горазд Соловьёв, не могут быть приняты православным сознанием. Показательно, что анализ влияния данного догмата на цивилизационную стратегию Запада уже в XX в. детально анализировался русскими мыслителями [4].

Если продолжить разговор по существу, то остается еще два догматических положения, которые разделяют православных и католиков. Первый из них был провозглашен папой Пием IX — догмат о беспорочном зачатии Девы Марии. Второй был принят на Ватиканском соборе 1870 г., т. е. последнем ко времени интересующей нас полемики. Речь идет о догмате непогрешимости папы (*infallibilitas*), пришедшем на смену учению о непогрешимости в делах веры только церковного собора. Данилевский так прокомментировал эти положения:

О первом я говорить не буду, как потому, что оно действительно не было осуждено ни на одном вселенском соборе, так и потому, что вместе с учением о папской непогрешимости падает и все то, что только на ее авторитете и зиждется. Учение же о папской непогрешимости также точно ересь против догмата символа о церкви, как *Filioque* ересь против догмата о Третьем Лице Св. Троицы [2, с. 268].

Учитывая данные обстоятельства, бессмысленно говорить о разделении церквей в том истолковании, которое давал Соловьёв. На самом деле речь идет об отпадении одной из частей, а именно римско-католической, от церковного

единства. Выход из данной ситуации один — утверждает Н. Я. Данилевский, опираясь на мнение А. С. Хомякова. Он состоит в том, что римская церковь отступает от

всех ее отличительных догматов, в особенности же от папской непогрешимости, в которой все прочие имеют свое единственное основание — не как мнения, а как догматы. Но на такой точке и ей оставаться невозможно. Естественное и неизбежное логическое развитие должно привести от подразумеваемого к ясному и отчетливому отказу от всего несущественного, т. е. от всего догматически разделяющего римскую церковь от православия, которое тем самым и признается за тождественное с вселенским вероучением [2, с. 287].

Только такое решение, был уверен Данилевский, будет истинно православным и соответствующим религиозным воззрениям русского народа.

И последнее, что необходимо заметить в связи с этой полемикой. Показательно, что свою полемическую работу Данилевский заканчивает следующими словами: «В заключение я должен сказать, что та искренность и смелость, с которыми г. Соловьев решился высказать свое мнение, по истине, заслуживает уважения и благодарности» [2, с. 287]. Как это не похоже на ушаты грязи и лжи, которые сам Соловьев вылил на уже покойного Данилевского в ходе полемики вокруг «России и Европы». Данное обстоятельство ни в коем случае нельзя забывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010.
2. Данилевский Н. Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». — М.: ФИВ, 2013.
3. Кожурин А. Я., Давыденкова А. Г. Культурно-цивилизационный подход к мировой истории в свете труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2020. — № 1. — С. 42–54.
4. Кожурин А. Я., Кожурин К. Я. Религия и культура (влияние религиозных учений на культурно-цивилизационные процессы в концепциях русских философов XX века) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного ун-та. Ежеквартальный научный журнал. — 2015. — № 39. — С. 410–414.
5. Мюссо-Гулар Р. Карл Великий. — М.: Весь Мир, 2003.
6. Соловьёв В. С. Россия и Вселенская Церковь. — М.: Фабула, 1991.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. — СПб.: Владимир Даль, 2008.